

**Алексей
Александрович
ВОЛОС,**

доцент Департамента
частного права
факультета права

Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
кандидат юридических

наук, доцент
avolos@hse.ru

101000, Россия, г. Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Основополагающие категории гражданского права в условиях цифровизации общества (на примере банковских договоров)

Аннотация. В работе обсуждаются проблемы, связанные с трансформацией теории гражданского права о субъектах и объектах. Отмечается, что имеется один фундаментальный вопрос, который может быть разбит на отдельные подвопросы: есть ли необходимость расширения юридически установленного перечня субъектов/объектов или вновь возникающие цифровые отношения могут быть объяснены через классические конструкции. Для решения данных проблем предлагается «тест на принципы гражданского права», который может стать теоретической и практической основой для решения вопроса об изменении фундаментальных подходов к субъекту, объекту, субъективным правам, юридическим фактам в условиях цифровизации общества. Под «тестом на принципы гражданского права» следует понимать мыслительный эксперимент, который заключается в представлении того, как будут толковаться принципы гражданского права при существенной трансформации фундаментальных категорий гражданского права в связи с цифровизацией общества.

Ключевые слова: субъекты гражданского права, объекты гражданских прав, принципы гражданского права, банковские договоры, договор, свобода договора.

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.118-126

ALEKSEI A. VOLOS,

Associate Professor in School of Private Law,
Faculty of Law, the National Research
University Higher School of Economics,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
avolos@hse.ru
20, ul. Myasnitskaya, Moscow, Russia, 101000

Fundamental Categories of Civil Law in the Conditions of Digitalization of Society (on the Example of Banking Agreements)

Abstract. The author discusses the problems related the transformation of the theory of civil law in the situation of subjects and objects. It is noted that there is one fundamental question that can be divided into separate sub-questions. The question is if it is necessary to expand the legally established list of subjects/objects. Can new digital relationships be explained

according to classical constructions? In order to solve these problems, the author proposes a “test on the principles of civil law”. It can be a theoretical and practical basis for solving the issue of changing fundamental approaches to the subject, object, subjective rights, legal facts in the conditions of digitalization of society. According to this approach the “test on the principles of civil law” is a thought experiment, which consists in presenting how the principles of civil law will be interpreted with a significant transformation of the fundamental categories of civil law in connection with the digitalization of society.

Keywords: *subjects of civil law, objects of civil rights, principles of civil law, contracts in banking sphere, contract, freedom of contract.*

Ввиду цифровой трансформации общественных отношений все больше дискуссий ведется по поводу классических конструкций частного права: субъекта и объекта, юридических фактов. Возникают вопросы о возможности изменения основных положений. Например, вполне серьезно предлагается рассматривать искусственный интеллект в качестве нового субъекта гражданского права. Для решения проблем, связанных с трансформацией теории гражданского права о субъектах и объектах, предлагаются самые различные пути и варианты.

Рассмотрим предложенные к обсуждению вопросы более подробно на примере банковских договоров с учетом модельных ситуаций, а также уже имеющейся скромной судебной практики. Сфера банковских договоров особенно интересна для исследования в связи с цифровизацией общества, так как именно здесь наиболее значимы происходящие процессы. Так, одной из основных задач цифровизации экономики является открытость и быстрота проведения транзакций, т.е. та функция, которая традиционно является непосредственно направлением деятельности банков.

Применительно к субъектам и объектам гражданского права цифровизация поставила один фундаментальный вопрос, который может быть разбит на отдельные подвопросы: есть ли необходимость расширения юридически установленного перечня субъектов/объектов или вновь возникающие цифровые отношения могут быть объяснены через классические конструкции.

Так, в 2022 г. нейросеть написала о себе самой научную статью, где она назвала саму себя выдающимся достижением в области технологии искусственного интеллекта¹. Подобная «деятельность» автоматически поставила сразу несколько проблем гражданско-правового характера по поводу установления субъектного состава и объекта таких отношений, например, сможет ли нейросеть открыть счет в банке и получить причитающейся ей за научную статью гонорар. Непосредственно в банковской деятельности также есть ряд неоднозначных казусов, к

¹ См.: Нейросеть написала статью о самой себе для научного журнала — она назвала себя «выдающимся достижением в области ИИ» // URL: <https://dtf.ru/science/1265422-neyroset-napisala-statyu-o-samoy-sebe-dlya-nauchnogo-zhurnala-ona-nazvala-sebya-vydayushchimsya-dostizheniem-v-oblasti-ii?ysclid=I8vjxftbee846764920> (дата обращения: 05.10.2022).

примеру сложности правового регулирования вызывают вопросы использования искусственного интеллекта при заключении и исполнении кредитного договора².

Ряд авторов предположили, что результаты интеллектуальной деятельности человека могут быть сами в будущем признаны субъектами прав. Например, Г. А. Гаджиев, признавая, что на сегодня вопрос неактуален ввиду особенностей развития технологического процесса, утверждает, что в перспективе следует установить юридическую личность у высокоразвитой робототехники³. Однако неясно, насколько далекой является эта перспектива, ведь сложно спорить с М. А. Рожковой, которая на основании юридических и технологических данных делает вывод о том, что «сегодня человечество и близко не подошло к тому, чтобы признавать ИИ или интеллектуальных роботов субъектами права»⁴.

О перспективах признания роботов субъектами права пишет и А. В. Габов⁵, однако его аргументация не всегда является чисто юридической, в работе даны ссылки на научно-популярную литературу, но не указаны конкретные правовые основания, по которым мы сможем понять, что робот «готов» стать субъектом права. К сожалению, именно такие аргументы хотелось бы видеть в научных трудах о «субъектности» искусственного интеллекта, ведь сам по себе поставленный вопрос («нейросеть — субъект или не субъект») не видится нам первостепенным.

Следует установить критерии и признаки, при наличии которых можно было бы говорить о необходимости расширения системы субъектов гражданских отношений. Видимо, к ним можно отнести наделение имуществом, возможность самостоятельного несения юридической ответственности и т.п. Сюда же следует включить практическую юридическую целесообразность, о которой не часто пишут в литературе по тематике, связанной с искусственным интеллектом и его правовым режимом. Именно указанные проблемы должны быть основным направлением данной дискуссии.

Ряд авторов, полагающих, что искусственный интеллект не должен признаваться субъектом гражданских прав, приводят многочисленные аргументы в пользу своей позиции. Причем нередко предлагаемые тезисы вполне обоснованные, к примеру, по поводу того, что в этой связи возможно нормативное обособление реального субъекта от квазисубъекта, что приведет к практической невозможности привлечения субъекта (гражданина или юридического лица, использующего робота) к ответственности, к новым инструментам злоупотребления правами и ухода от ответственности⁶.

² См.: Камалаян В. М. Использование искусственного интеллекта при заключении и исполнении кредитного договора // Юридическая наука. 2021. № 6. С. 45.

³ См.: Гаджиев Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15.

⁴ Рожкова М. А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы — что это такое или кто это такие? // Закон.ру. 23.11.2019. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty_chno_eto_takoe_ili_kto_eto_takie?ysclid=I91jif9lslk550255330 (дата обращения: 09.10.2022).

⁵ См.: Габов А. В. Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2. С. 105.

⁶ См., например, Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование). М., 2021. С. 119.

Подобная ситуация может быть актуальна и для банковских договоров, в которых «разделение» реального субъекта и квазисубъекта может привести к уходу от ответственности первого из них, например, при использовании различных банковских счетов с целью легализации доходов, нажитых преступным путем.

С другой стороны, наряду с логичной аргументацией, предлагаются несколько спорные моменты. Так, утверждается, что «в случае признания существования “цифрового субъекта” — квазисубъекта... потерпевшая сторона лишается своего права на судебную защиту»⁷. Автором презюмируется, что потерпевший при нарушении его прав не сможет подать иск непосредственно к иному субъекту (гражданину или юридическому лицу). Однако мы не можем не отметить, что ситуация изменится, если наделить искусственный интеллект имуществом или установить солидарную ответственность робота и его владельца, особенно при наличии у робота собственного банковского счета. В таком случае права потерпевших уже будут должным образом гарантированы.

Важно сказать, что такой подход может быть актуален именно для гражданского права. Не должен работать аргумент о том, что «аналогичная ситуация складывается и в отношении применения иных видов юридической ответственности»⁸. Не секрет, что субъектный состав отдельных видов ответственности может быть различным ввиду несовпадения целей, оснований, последствий видов ответственности.

Решение вопроса о «субъектности» искусственного интеллекта видится через призму принципов гражданского права. Так, появление норм о правовом статусе нового субъекта права повлечет необходимость их толкования в совокупности с принципами. Однако это может привести к абсурдной ситуации. В частности, принцип равенства субъектов гражданских отношений предполагает обеспечение баланса интересов субъектов, равные возможности по вступлению в гражданское отношение и участие в нем, в том числе по защите прав и законных интересов.

Каждый из указанных и других элементов принципа равенства не может сочетаться с возможной правоспособностью искусственного интеллекта. Например, возможность искусственного интеллекта самостоятельно защищать свои права противоречит практическому смыслу, так как рациональнее дать такую возможность иным субъектам (например, создателю искусственного интеллекта или его владельцу в зависимости от ситуации).

Еще более нелогичной представляется ситуация, при которой необходимо применять принцип защиты слабой стороны в гражданском правоотношении как принцип, неразрывно связанный с юридическим равенством субъектов. Наверняка встанет вопрос о возможности признания искусственного интеллекта или нейросети «слабой стороной», так как они обладают меньшим объемом возможностей по сравнению с человеком или юридическим лицом (особенно это актуально для банковских договоров, в которых презюмируется, что банк — сильная сторона). Представим, сколько дискуссий может развернуться по поводу слабой переговорной силы нейросети или экономических возможностей искусственного интеллекта.

⁷ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 24.

⁸ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 24.

Однако указанные споры вряд ли приведут к результату. Баланс интересов сторон, к примеру между искусственным интеллектом и банком, противоречит сущности категории «баланс интересов» хотя бы потому, что в настоящий момент установить отдельный независимый субъективный интерес искусственного интеллекта достаточно сложно. Вряд ли это будет возможно в дальнейшем при развитии технологий.

Таким образом, с точки зрения принципов гражданского права нет оснований для обособления отдельных субъектов правоотношений, возникших в результате цифровизации общества. Классическая система субъектов гражданского права должна быть сохранена. С теоретических позиций, наверное, допустимо говорить о «квазисубъекте» или «неосубъекте», подразумевая при этом, что нейросеть или искусственный интеллект — особый объект гражданских прав, для которого положен специальный правовой режим и, возможно, какие-либо исключения из норм о субъекте (например, особый режим установления авторских прав на объекты, созданные нейросетью).

Сказанное не исключает особого правового регулирования для специальных субъектов, которые ввиду особенностей развития цифровой экономики становятся все больше вовлечены в гражданский оборот. Речь идет, например, о так называемых цифровых посредниках, среди которых оператор информационной системы, который играет важную роль, например, при толковании договоров займа или самого факта заключения такого договора⁹.

Предложенные вопросы не входят в полную меру в предмет настоящего исследования, но их наличие подтверждает нашу основную гипотезу: принципы гражданского права в ситуации цифровизации общества продолжают действовать, но наполняются особым содержанием и могут быть использованы для решения конкретных задач. Применительно к системе субъектов гражданских отношений это означает, что принципы гражданского права должны выступать критерием возможного дополнения этой системы, что на данный момент нерационально. Вместе с тем, с учетом содержания принципов гражданского права, например юридического равенства субъектов гражданского оборота, статус отдельных субъектов должен быть законодательно уточнен, а также должны быть разрешены иные противоречия.

Цифровизация общества предопределила и возникновение новых объектов, по поводу которых складываются реальные экономические отношения. В рамках настоящей работы мы рассмотрим некоторые «цифровые объекты» (цифровые активы) с точки зрения принципов гражданского права и возможности их отнесения к объектам гражданских права (прежде всего криптовалюты). Каждый из таких объектов может быть использован в той или иной степени в банковских договорах. Например, цифровые активы и криптовалюты могут в определенной степени заменить средство платежа, что, впрочем, спорно.

Отметим, что долгожданное появление в законе понятия цифровых прав немало упростило понимание того, как происходит оборот цифровых объектов в целом. ГК РФ под цифровыми правами признает названные в таком качестве в

⁹ См., например: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2022 № 88-6825/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был); определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2022 № 88-2450/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Представляется, что законодательство создает предпосылки для теоретических и практических проблем.

Неточности в понятии цифровых прав в совокупности со слабым правовым регулированием создадут проблемы для их оборота. В частности, если в договорных отношениях, в том числе банковских договорах, регулируемых на основе свободы договора, стороны смогут самостоятельно установить порядок перехода таких прав, то для ситуаций с наследованием все значительно сложнее, в том числе ввиду несколько иных принципов регулирования возникающих отношений (например, защиты обязательных наследников), игнорировать которые ни законодатель, ни правоприменитель не может.

Некоторые зарубежные ученые видят основную проблему оборота цифровых активов в том, что для них нет юридического определения и его невозможно дать¹⁰. В России же попытались дать определение цифровым правам. Насколько опыт окажется успешным, покажет практика. Однако можно назвать как минимум основные причины, почему не стоит категорично относиться к закрытому в законе списку цифровых активов: сам по себе их перечень будет бесконечен; ценность, придаваемая определенным типам цифровых активов, будет сильно различаться; проблемы возникнут в классификации цифровых активов.

Обратимся теперь к криптовалютам, которые наделали много шума в экономике в последнее десятилетие. Вряд ли сейчас наблюдается увеличение интереса к ним, однако по-прежнему значимость криптовалют в гражданском обороте (в том числе с точки зрения стоимости и рассмотрения в качестве денежного актива) велика. Правовая характеристика криптовалюты — объект дискуссий. При этом не вызывает сомнений тот факт, что она «является многоаспектным понятием, которое включает в себя техническую, экономическую и юридическую составляющие»¹¹.

Формально криптовалюту нельзя отнести к цифровым правам, но ученые рассматривают ее в качестве одного из объектов имущественных отношений: либо в качестве «иног имуществва»¹², перечень которого открыт, либо в качестве особого «цифрового имуществва»¹³, которое должно быть закреплено в ГК РФ, либо в качестве платежного средства, не имеющего самостоятельной ценности¹⁴. В зарубежной литературе в целом также общепризнано, что отношения по поводу криптовалюты — имущественные¹⁵.

¹⁰ См.: *Conway H., Grattan S.* The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. *Modern Studies in Property Law*. Hart Publishing, Oxford and Portland. 2017. P. 100—101.

¹¹ Банковское право : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. М., 2021. С. 198.

¹² См.: *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 136—153.

¹³ См.: *Банковское право : учебник для бакалавров*. С. 198.

¹⁴ См.: *Егорова М. А., Кожеева О. В.* Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 1. С. 81.

¹⁵ См.: *Low G., Tan T.* Cryptocurrency — is it Property? // *Journal of Investment Compliance*. 2020. Vol. 21. No. 2/3. P. 175—179.

В России формального подтверждения этому нет, хотя Верховный Суд РФ фактически подтвердил, что отношения по поводу криптовалюты — законные и имущественные. Так, по одному из дел сделан такой вывод: передав свое имущество (криптовалюту) взамен полученных денежных средств, гражданин преследовал определенную экономическую цель, заключив сделки по продаже криптовалюты. Таким образом, имелись правовые основания для получения денежных средств¹⁶. Получается, что банки могут использовать криптовалюту для своих целей, она может выступать объектом банковского договора. Правда, подобный подход в судебной практике не единственный.

В какой-то мере обоснованным может быть решение проблемы в виде применения к криптовалютам и иным объектам под общим наименованием «цифровое имущество» по аналогии со «сделками на разность» правил о натуральных обязательствах. Смысл в том, что требования, вытекающие из таких сделок, заключенных с участием граждан, подлежат судебной защите лишь при наличии соответствующей лицензии хотя бы у одной из сторон сделки, а также при условии их совершения на бирже или ином организованном финансовом рынке. При отсутствии указанных условий права и обязанности участников не будут подлежать судебной защите¹⁷. Однако серьезной аргументации, подтверждающей тот факт, что сделки с «цифровым имуществом» подобны деятельности участников тотализаторов и других азартных игр, не приводится.

При этом экономическая сущность данных явлений различна, сравнивать их не в полной мере корректно. Обособление большинства натуральных обязательств связано со сложностью предсказания определенных событий. Например, «участие в игре осуществляется в надежде на действие совершенно случайных обстоятельств»¹⁸, а «сделки на разность», не предполагая реальный товарообмен, имеют целью для субъекта получение «разницы между ценой, по которой заключена сделка, и фактической (рыночной) стоимостью товара в момент предполагаемого в будущем исполнения»¹⁹.

Экономическое назначение и правовые последствия действий с криптовалютой и иными цифровыми активами значительно сложнее. Это может быть и приобретение реального имущества, и сохранение активов с целью дальнейшего получения дохода от «сбережений». При этом говорить о том, что стоимость цифровых активов зависит от совершенно случайных обстоятельств также не приходится. Действительно, например, курс биткоина очень нестабилен, что вызвано особенностями данной криптовалюты в целом, но в той или иной степени он может быть предсказан, как и курс государственных валют.

Показательно, что по одному из дел суд сделал вывод о том, что «торговля криптовалютой не урегулирована и относится к участию в сделках игр и пари»²⁰.

¹⁶ См.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Суханов Е. А. О Гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 24.

¹⁸ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2020. С. 472.

¹⁹ Гражданское право : учебник. С. 475.

²⁰ См.: определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 по делу № 88-21710/2021, 2-30/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (документ опубликован не был).

Последнее утверждение в целом нельзя признать корректным. В частности, если торговля криптовалютой действительно относится к сделкам игр и пари, то она урегулирована правилами главы 58 ГК РФ. Также в решении суда отсутствовала аргументация того, что торговля криптовалютой относится к участию в сделках игр и пари. Прямо из закона это не следует.

Ответ на вопрос о том, какие «цифровые объекты» и каким образом должны признаваться объектами гражданских правоотношений, снова кроется в принципах гражданского права. Так, ограничение оборота криптовалют в любом случае будет ограничением принципа свободы договора. Данный принцип по своему смыслу означает не только возможность сторон заключить определенное соглашение, но и гарантии того, что такое соглашение будет признано государством, в том числе правом на судебную защиту. Насколько в приведенном примере ограничения свободы договора обоснованны — другой вопрос.

Признаемся, что на текущий момент серьезных экономических, политико-правовых оснований не представлено, за исключением утверждения о том, что оборот криптовалют нарушает принципы действия национальной валюты. Указанное обоснование можно оспорить, если рассматривать сделки с криптовалютой в качестве договора мены, а не купли-продажи, так как очевидно, что криптовалюта не является законным платежным средством.

Как видим, изучение фундаментальных цивилистических категорий гражданского права (прежде всего субъектов и объектов) показывает актуальность отдельных проблем, связанных с развитием цифровизации общества. В качестве методологического базиса для разрешения таковых мы предлагаем использовать «тест на принципы гражданского права». Его обособление проведено по аналогии с «банкротным тестом», актуальным для теоретического осмысления способов обеспечения обязательства в России, или с *Howey test*, используемым в США для определения того, является ли конкретный финансовый инструмент ценной бумагой.

Под «тестом на принципы гражданского права» следует понимать мыслительный эксперимент, который заключается в представлении того, как будут толковаться принципы гражданского права при существенной трансформации фундаментальных категорий гражданского права в связи с цифровизацией общества. При выявлении логических противоречий в таком мысленном эксперименте следует дать отрицательный ответ на вопрос о возможности заявленной трансформации. Так, расширение перечня субъектов гражданского права путем включения в него искусственного интеллекта не проходит «тест на принципы гражданского права». Напротив, защита прав на криптовалюту в качестве особого объекта прав может быть истолкована через принципы, а значит, должна быть гарантирована.

Следовательно, тест на принципы гражданского права может стать теоретической и практической основой для решения вопроса об изменении фундаментальных подходов к субъекту, объекту, субъективным правам, юридическим фактам в условиях цифровизации общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование). — М., 2021. — 288 с.
2. *Габов А. В.* Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 2. — С. 98—113.
3. *Гаджиев Г. А.* Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 15—30.
4. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. — М., 2020. — 544 с.
5. *Егорова М. А., Кожевина О. В.* Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 1. — С. 81—91.
6. *Камалян В. М.* Использование искусственного интеллекта при заключении и исполнении кредитного договора // Юридическая наука. — 2021. — № 6. — С. 45—49.
7. *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8. — С. 136—153.
8. *Суханов Е. А.* О Гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6. — С. 7—29.
9. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. — М., 2021. — 416 с.
10. *Conway H., Grattan S.* The 'New' New Property: Dealing with Digital Assets on Death. Modern Studies in Property Law. — Hart Publishing, Oxford and Portland, 2017. — P. 99—115.
11. *Grochowski M.* Inheritance of the Social Media Accounts in Poland // European Review of Private Law. — 2019. — № 5. — P. 1197—1208.
12. *Low G., Tan T.* Cryptocurrency — Is It Property? // Journal of Investment Compliance. — 2020. — Vol. 21. — № 2/3. — P. 175—179.